

ИСТОРИЯ С УЛЫБКОЙ

КНИГА 1

ПУШКИН

Быстрое обаяние гения

Всё — правда, всё — смешно

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Пушкин. Быстрое обаяние гения.

«Автор»

2026

Карадениз М.

Пушкин. Быстрое обаяние гения. / М. Карадениз — «Автор»,
2026

Пушкин, которого вы не знали. Не хмурый классик с портрета, а живой, дерзкий, безумно влюбчивый и вечно безденежный остряк. Он проигрывает в карты, дерзит императорам, отдаёт долги стихами, падает со стула при встрече с будущей женой и острит даже перед дуэлью. Смешные и нелепые истории из мемуаров, писем и дневников современников — пересказанные с юмором, лёгкой иронией и живым языком. Не учебник, а сборник анекдотов о человеке, который превратил свою жизнь в комедию и бесконечный источник острот. Всё — правда. Всё — смешно. Все книги серии полностью независимы.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
РАЗДЕЛ 1: ПУШКИН И ДЕНЬГИ	6
Десять рублей за бессмертие	7
Свадебный торг	9
Поэт и ростовщик	11
Карточный проигрыш в «Зелёной лампе»	12
Долг Жуковскому	14
Ссора с издателем	15
Кошелёк на улице	16
Вексель для издателя	17
Шампанское за чужой счёт	18
Продажа «Бориса Годунова»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мурат Карадениз

Пушкин. Быстрое обаяние гения.

Вступление

Всё — правда, всё — смешно

Все рассказы в этой книге независимы друг от друга. Вы можете читать их в любом порядке. Мы расположили их по темам, а не по годам, чтобы вам было удобнее находить истории на интересную тему.

РАЗДЕЛ 1: ПУШКИН И ДЕНЬГИ

«Пушкин был великим поэтом и ужасным финансистом. Он зарабатывал много — и тратил всё. Долги, карты, авансы, векселя, переговоры с издателями — это была его вторая жизнь. И в ней он оставался таким же остроумным, как в стихах».

Десять рублей за бессмертие

В мае 1831 года Александр Сергеевич Пушкин с молодой женой Натальей Николаевной, наконец-то обвенчанный и счастливый, но как всегда без гроша в кармане, ехал из Москвы в Петербург. Дорога была долгой, почтовые станции сменяли одна другую, и на одной из них, где меняли уставших лошадей, произошла сцена, которую Пушкин потом пересказывал всем друзьям.

Когда карета остановилась, поэт вышел размяться и тут же был атакован. К нему подбежала дочь смотрителя — девица лет шестнадцати, румяная, глазастая, с растрёпанными косами. Она явно ждала этого момента и, судя по всему, репетировала речь всю ночь.

— Вы Александр Сергеевич? — выпалила она, дыша ему прямо в лицо. — Тот самый, который стихи пишет?

Пушкин, привыкший к провинциальному восторгу, снисходительно улыбнулся и кивнул. Девушка покраснела ещё сильнее и, достав из-за пазухи нечто, торжественно протянула ему.

Это был вязаный бумажник. Грубоватый, явно собственной работы, с любовью вышитыми незабудками по краям и даже с инициалами — двумя буквами «А.П.», выведенными синей ниткой. Видимо, девушка считала, что если уж дарить подарок великому поэту, то с инициалами — это обязательно.

— Это вам! — выпалила она, сияя. — На память. Чтобы вы всегда меня вспоминали, когда деньги будете считать!

Пушкин был тронут. Он взял бумажник, поклонился, поцеловал ручку девушке, поблагодарил с галантностью, на которую был великий мастер, и, положив подарок в карман сюртука, сел обратно в карету. Наталья Николаевна лишь иронично повела бровью:

— Ну, Александр Сергеевич, опять поклонница?

— Что поделаешь, — усмехнулся он. — Я же гений. Гениям положено иметь поклонниц. И вязаные бумажники.

Лошади тронулись, девушка долго махала вслед. История, казалось, была окончена. Но всё только начиналось.

Через неделю в квартире на Мойке раздался звонок. Лакей открыл дверь и увидел парня в потёртом кафтане и растоптанных сапогах — гонца из провинции. Гонец передал лакею плотный конверт, адресованный Пушкину, и велел ждать ответа.

Пушкин, заинтригованный странным визитом, вскрыл конверт, развернул бумагу и начал читать. Сначала недоумение, потом лёгкая улыбка, потом — хохот, от которого из соседней комнаты прибежала жена.

В письме, выведенном старательным, но не очень грамотным почерком, говорилось:

«Милостивый государь Александр Сергеевич, возвратите, пожалуйста, мой бумажник, который вы у меня взяли на почтовой станции, или пришлите за него десять рублей. Мне эти деньги очень нужны. С уважением, дочь смотрителя такой-то станции».

Пушкин, отсмеявшись, сказал жене:

— Понимаешь, Наташа, она мне подарила бумажник, а потом передумала. И теперь требует его вернуть. Или деньги. Причём деньги ей нужнее.

Наталья Николаевна улыбнулась:

— И что ты будешь делать?

— Заплачу, конечно, — ответил Пушкин. — Десять рублей — невелика сумма. Но бумажник я оставляю. Это же память. И, знаешь, я теперь понимаю, как надо делать бизнес: даришь подарок, потом требуешь его назад за деньги. Гениально!

Он отсчитал десять рублей, отдал гонцу и написал на обороте письма короткий ответ, который потом стал одним из любимых его экспромтов:

«Бумажник остаётся у меня как память о провинциальной галантности, а десять рублей — как напоминание о том, что даже муза иногда требует оплаты».

Гонец уехал, а Пушкин, обтирая слёзы, сказал жене:

— Вот так я и купил собственную популярность — за червонец. Недорого, правда? Считай, что я сделал выгодную инвестицию.

Говорят, этот вязаный бумажник потом долго лежал у него в столе, и каждый раз, попадаясь под руку, вызывал у поэта улыбку. Потому что история была идеальной: и трогательная, и смешная, и наглядно показывающая, что гениальность — это прекрасно, но деньги, к сожалению, пока ещё печатаются не в типографиях.

А дочь зрителя, получив свои десять рублей, наверное, очень удивилась, почему великий поэт не вернул ей бумажник. Но мы-то с вами знаем: он не вернул его нарочно. Чтобы было что вспоминать. И чтобы было что рассказать нам. И, возможно, чтобы мы все поняли: даже великий поэт может купить бессмертие за десять рублей.

Свадебный торг

Александр Сергеевич Пушкин умел писать стихи лучше всех в России. Умел он и влюбляться — тоже лучше всех, а порой и глупее всех. Но вот с деньгами у него была особая, почти мистическая связь: они к нему липли, а он их — терял. И самая большая денежная авантюра в его жизни началась не в карточном доме, а в доме Гончаровых на Большой Никитской.

В апреле 1830 года Пушкин, которому уже стукнуло тридцать, решил, что пора кончать с холостой жизнью. Он сделал предложение Наталье Николаевне Гончаровой — первой красавице Москвы. Предложение было принято. И тут началось.

Наталья Николаевна была бесприданницей. Её мать, Наталья Ивановна Гончарова, дама властная и практичная, сразу поставила условие: у дочери должно быть приданое.

— Александр Сергеевич, — сказала она тоном, не терпящим возражений, — вы, конечно, гений. Но гении тоже должны обеспечивать своих жён. У моей дочери должно быть приданое. Иначе свет её не примет.

Пушкин, который готов был жениться хоть в чём мать родила, опешил:

— Наталья Ивановна, я готов жениться на вашей дочери даже без гроша. Мне не нужно приданое.

— Это вам не нужно, — отрезала теща. — А ей нужно. И мне нужно. И обществу нужно. Так что ищите деньги.

Поэту пришлось самому искать деньги на приданое, которое он, по идее, должен был получить, а не давать. Отец Пушкина, Сергей Львович, человек мягко говоря не щедрый, выделил сыну село Кистенёво с двумястами душами крестьян. Пушкин заложил эти двести душ и получил тридцать восемь тысяч рублей. Из них одиннадцать тысяч он тут же отдал теще.

— Вот, — сказал он, протягивая деньги. — Это на приданое.

— Спасибо, — ответила Наталья Ивановна и спрятала деньги в сейф. — Теперь можно готовиться к свадьбе.

Но на этом всё не закончилось. За несколько дней до свадьбы теща заявила, что торжество придётся отложить.

— Почему? — спросил Пушкин, чувствуя, как у него начинает дёргаться глаз.

— У меня нет денег на карету, — ответила Наталья Ивановна. — А без кареты я не могу доехать до венчания.

Пушкин посмотрел на неё, потом на свои пустые карманы, потом на жену, потом снова на тещу.

— Сколько? — спросил он сдавленным голосом.

— Тысяча рублей, — сказала теща.

Пушкин отсчитал ещё тысячу. И сказал себе: «Это последнее. Больше я ей не дам. Ни копейки». Но, как мы знаем, это было не последнее.

Поэт был в бешенстве. Он писал другу Плетнёву: «Жизнь жениха тридцатилетнего хуже тридцати лет жизни игрока. Дела будущей тещи моей расстроены. Свадьба моя отлагается день ото дня далее. Между тем я хладею, думаю о заботах женатого человека, о прелести холостой жизни. Словом, если я и не несчастлив, по крайней мере не счастлив».

Он так переругался с тещей, что даже вернул Наталье Николаевне её слово. Уехал в Болдино, не зная, жених он или уже нет. И только когда от невесты пришло письмо, где она писала, что готова выйти замуж без приданого, Пушкин выдохнул.

Свадьба состоялась. Пушкин в итоге получил не только жену, но и трёх сестёр Гончаровых, дедушку-разорителя и тещу, которая так и не вернула одиннадцать тысяч. Карета, на которую он дал деньги, довезла всех до места. А Пушкин потом долго шутил:

— Знаете, я купил себе жену. Это была самая дорогая покупка в моей жизни. Но, кажется, я не прогадал.

И когда друзья смеялись над его долгами, он добавлял:

— Если бы я знал, что женитьба так дорого стоит, я бы, наверное, остался холостяком. Но тогда бы я не был счастлив. А так — я беден, но счастлив. И это главное.

Поэт и ростовщик

Пушкин умел занимать деньги с такой же лёгкостью, с какой писал стихи. Разница была лишь в том, что стихи он писал каждый день, а долги отдавал — ну, скажем так, не каждый день. И если уж поэт заходил в тупик с деньгами, он пускал в ход своё главное оружие: перо.

В один из таких периодов безденежья он обратился к самому настоящему ростовщику. Не к другу, не к издателю, а к человеку, который давал деньги под проценты и не интересовался ни стихами, ни славой, ни судьбой русской литературы. Ему были интересны только цифры.

Ростовщик был известен своей строгостью: только под расписку, только под залог и только под сорок процентов годовых. Пушкин подписал вексель, получил деньги и ушёл, полный надежд, что как-нибудь разрулится. Как — он не думал.

Время шло. Срок платежа приближался, а денег, как водится, не было. И тогда Пушкин сделал то, что умел лучше всех. Он сел за стол и написал стихотворение. Не просто стихотворение, а целую поэму. С иронией, самоиронией и своим фирменным блеском. Он писал о деньгах, о долгах, о своей вечной борьбе с ними — и о ростовщике, который, как он надеялся, оценит поэзию выше процентов.

Готовую рукопись он перевязал шёлковой ленточкой и отправил с другом Нащокиным.

— Передай это ростовщику вместо денег, — сказал он. — Скажи, это будет дорогого стоить, когда я умру.

Нащокин только покачал головой, но пошёл. Ростовщик развернул рукопись, прочитал и... пришёл в восторг. Он смеялся, он был тронут, он чувствовал себя почти литератором. Но потом захлопнул рукопись и спросил с тоской:

— Это красиво. Но что мне с этим делать?

— Продайте, — сказал Нащокин.

— Кому? — удивился ростовщик. — Я — ростовщик. Ко мне приходят за деньгами, а не за стихами. Я знаю проценты, но не знаю, сколько стоит строчка Пушкина.

Он вернул рукопись и сказал:

— Пусть принесёт деньги. А стихи я оставлю себе. Как напоминание.

Пушкин, услышав это, расхохотался:

— Он оставил стихи себе? Значит, он понял их ценность. Просто не понял, как их продать. Но он поймёт. Лет через пятьдесят, когда я уже буду памятником.

Позже, когда рукопись действительно попала к издателю, она стоила в десять раз больше, чем сумма долга. Но к тому времени ни ростовщика, ни самого поэта уже не было.

А пока Пушкин снова остался должен. И снова без денег. Но с великолепным анекдотом для друзей. И он говорил им:

— Если у вас нет денег, не отчаивайтесь. Напишите стихи. Может быть, их оценят. Но лучше всё-таки иметь деньги.

Карточный проигрыш в «Зелёной лампе»

Общество «Зелёная лампа» было для Пушкина вторым домом. Здесь собирались молодые литераторы, поэты, вольнодумцы, будущие декабристы. Спорили о политике, читали стихи, пили и, конечно, играли в карты. Никита Всеволожский, основатель общества, был самым гостеприимным хозяином и самым страстным картёжником из всех, кого знал Пушкин.

В один из таких вечеров Пушкин сел за зелёный стол. Играли в банк — игру азартную, быструю и беспощадную. Пушкин метал банк. Он делал ставки, удваивал, поднимал. Азарт затягивал его, как омут. К утру он проигрался в пух и прах. По одним данным — на тысячу рублей, по другим — на все десять. В любом случае это были деньги, которых у поэта не было и не предвиделось.

Всеволожский смотрел на него с усмешкой:

— Ну что, Пушкин, расплачиваться будем?

Пушкин полез в карман, нашёл там только дыру и вздохнул:

— Никита, денег у меня нет.

— Тогда что будем делать? — спросил Всеволожский. — Мне нужны деньги, а не обещания.

Пушкин задумался. И вдруг он вытащил из кармана рукопись — сборник своих стихов, который готовил к изданию.

— Держи, — сказал он, протягивая её Всеволожскому. — Это мой долг. Полупродаю, полупроигрываю тебе мои стихи. Когда я издам их, ты получишь доход. Или просто станешь обладателем моих стихов. Это лучше, чем пустой кошелёк, правда?

Всеволожский взял рукопись, пролистал и усмехнулся:

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — ответил Пушкин. — Другого выхода нет.

Так рукопись стала собственностью Всеволожского. Пушкин ушёл без денег, но с чувством, что поступил честно.

Прошло время. Пушкин отошёл от проигрыша, но рукопись всё ещё была у Всеволожского. Поэт решил её выкупить. Он написал другу письмо, в котором, как всегда, смешал иронию с отчаянием:

«Милый Всеволожский, помнишь ли, что я тебе полупродал, полупроиграл рукопись моих стихотворений? Ныне решил я исправить свои погрешности. Продай мне назад мою рукопись за ту же цену — тысячу рублей. Даром же взять не хочу!»

Всеволожский прочитал письмо и ответил с благородством:

— Пушкин, ты мне друг. Бери рукопись за пятьсот. И давай считать, что мы в расчёте.

Пушкин был тронут до слёз. Но его благородство не позволило ему просто так взять рукопись. Он отправил брату Льву распоряжение передать Всеволожскому пятьсот рублей, хотя тот и не просил.

— Понимаешь, — сказал он друзьям, — Всеволожский мог бы заработать на моих стихах целое состояние. Но он предпочёл дружбу. Это дороже денег. Но я всё равно ему заплачу. Потому что я — должник чести.

Всеволожский позже рассказывал эту историю с улыбкой:

— Я держал в руках великую литературу. Но я не стал её продавать. Я предпочёл сохранить друга. И, знаете, я не жалею. Потому что Пушкин — это больше, чем деньги.

А рукопись, которую Пушкин полупродал-полупроиграл, ушла с молотка уже после его смерти за триста рублей. Но это были уже совсем другие времена и совсем другие деньги. И совсем другие люди.

Долг Жуковскому

С Василием Андреевичем Жуковским у Пушкина были особые отношения. Жуковский был старше, мудрее, спокойнее. Он был не просто другом — он был наставником, ангелом-хранителем, человеком, который вытаскивал Пушкина из долговых ям. И при этом Жуковский был поэтом, а поэты, как известно, деньги считать не умеют. Или умеют, но предпочитают не замечать их отсутствия.

Однажды Пушкин оказался в привычном положении: денег нет, жить не на что. И он пошёл к Жуковскому.

— Василий Андреевич, — сказал он с той особенной интонацией, которая означала: «Я знаю, что опять прошу, но ты же меня не прогонишь». — Выручи. Пятьсот рублей. До следующего гонорара. Честное слово.

Жуковский вздохнул. Он уже привык к этим визитам.

— Хорошо, Александр Сергеевич, — сказал он, открывая кошелёк. — Но ты мне должен.

— Я знаю, — улыбнулся Пушкин. — И я отдам.

Деньги растаяли быстрее утреннего тумана. А Жуковский ждал. Месяц, два, три. Пушкин писал, издавался, снова занимал, снова проигрывал. О долге он, казалось, забыл.

И тогда Пушкин нашёл гениальный выход. Он работал над поэмой «Руслан и Людмила» и решил: лучшей платы, чем посвящение, Жуковскому не придумаешь.

Он написал вступление, обращённое прямо к Жуковскому:

«Примите ж вы мой труд небрежный,

В нём сердце, чувства выразить,

И в нём нашли вы, друг мой нежный,

Чем наслаждаться и мечтать...»

Жуковский был растроган до слёз. Пушкин не просто отдал долг — он вписал имя друга в бессмертие.

— Ну что, Василий Андреевич, — сказал Пушкин при встрече. — Мы в расчёте?

Жуковский улыбнулся:

— В расчёте, Александр Сергеевич. Только знаешь... — он сделал паузу. — Я, конечно, растроган. И благодарен. И посвящение — это бесценно. Но если честно, я бы и деньги не вернул.

Пушкин расхохотался:

— Василий Андреевич, ты единственный человек, который умеет требовать деньги так, что я сам хочу их тебе отдать!

Жуковский так и не получил свои пятьсот рублей обратно. Но он получил посвящение, которое пережило их обоих. А когда кто-то упрекал Пушкина, что он не возвращает деньги, он отвечал:

— Я возвращаю их стихами. Это дороже. Деньги — бумага, а стихи — бессмертие.

И с этим никто не спорил. Даже Жуковский, который всё ещё ждал пятьсот рублей.

Ссора с издателем

Александр Филиппович Смирдин был издателем, каких в России ещё не видывали: честным, порядочным, платившим авторам больше всех. Он не грабил писателей, не задерживал гонорары. Настоящий подвижник книжного дела. И Пушкин это знал и уважал. Но даже с лучшим издателем в мире поэту и книготорговцу приходится торговаться.

Речь шла об «Истории Пугачёва» — труде, на который Пушкин потратил два года жизни. Он собирал материалы по архивам, ездил в места восстания, допрашивал стариков. Это был научный подвиг. И Пушкин рассчитывал на соответствующий гонорар.

В кабинете Смирдина начался торг.

— Александр Сергеевич, — начал Смирдин мягко, — книга серьёзная, научная. Тираж небольшой. Расходы на печать, бумагу...

— Я понимаю, — перебил Пушкин. — Но я потратил на неё два года жизни. Я ночевал в казачьих станицах. Я разбирал архивные дела, от которых у любого чиновника пошла бы голова кругом. Я заслужил гонорар.

— Публика покупает стихи, а не историю, — вздохнул Смирдин.

— Публика купит всё, если я напишу об этом, — парировал Пушкин.

Они препирались около часа. Смирдин называл одну цену, Пушкин — другую. Наконец Пушкин не выдержал.

— Александр Филиппович, — сказал он с иронией, — вы — крохобор. Настоящий крохобор. Торгуетесь за каждую копейку, как будто речь идёт о продаже старого сюртука на толкучке.

Смирдин замер:

— Я — крохобор?

— Крохобор, — повторил Пушкин. — Мелочный, скупой. Вы упускаете главное: вы имете дело с Пушкиным.

Смирдин покраснел. Он был человеком чувствительным. Но потом увидел глаза Пушкина — в них смеялись чёртики.

— Александр Сергеевич, — сказал он другим тоном, — вы меня обижаете.

— Обижаю, — согласился Пушкин. — И правильно делаю. У меня жена, теща, долги. А вы могли бы стать моим благодетелем, а становитесь кредитором.

Смирдин выдержал паузу, вздохнул и сказал:

— А давайте я вас накормлю? Обед за мой счёт. И решим всё по-хорошему.

Пушкин улыбнулся:

— Согласен. Но обед должен быть хорошим. Не крохоборским.

Они поехали в ресторан. Ели, пили, говорили о книгах. В конце Смирдин протянул договор с цифрой, которая устраивала поэта.

— Вы — блестящий торгаш, — усмехнулся Пушкин.

— Я научился у вас, — ответил Смирдин.

Так они расстались друзьями. Когда кто-то спрашивал Смирдина, не обижен ли он за слово «крохобор», он улыбался:

— Александр Сергеевич — великий поэт. Он всегда прав. Иногда я действительно похож на крохобора.

Кошелёк на улице

В жизни Пушкина было много случаев, когда он оказывался в центре комических, нелепых и даже абсурдных ситуаций. Но в истории с кошельком на улице он оказался не жертвой, а добрым человеком. И это было так неожиданно для всех, что даже сам Пушкин над этим посмеивался.

Однажды, гуляя по Петербургу, он наткнулся на старый, потёртый кошелёк. Поднял, открыл — внутри деньги. Сумма небольшая, но, как он сам знал лучше других, даже небольшая сумма может быть очень нужной. Пушкин с минуту подумал: «Может, оставить? Всё равно никто не узнает. У меня, между прочим, тоже денег нет». Но совесть — она и в Петербурге совесть. Он посмотрел внутри и нашёл записку с адресом владельца. Им оказался бедный чиновник.

Пушкин отправился по адресу. Дом был старым, лестница тёмной, квартира бедной. Чиновник открыл дверь — седой, уставший, с глазами, которые уже не ждали ничего хорошего.

— Вы потеряли это? — спросил Пушкин, протягивая кошелёк.

Чиновник посмотрел на кошелёк, потом на Пушкина, потом снова на кошелёк. Его глаза наполнились слезами.

— Это мои последние деньги, — сказал он дрожащим голосом. — Я уже не надеялся их увидеть. Вы спасли меня!

Пушкин скромно улыбнулся:

— Я просто нашёл. Ничего особенного.

Чиновник начал доставать мелочь, предлагая награду. Пушкин мягко отстранил его руку:

— Не надо. Мне не нужны деньги. Я пришёл вернуть вам ваше.

Чиновник заплакал. Он сжимал кошелёк в руках и плакал. А Пушкин стоял, чувствуя себя неловко. Он не был героем — он был просто человеком, который не мог пройти мимо чужой беды.

Когда позже друзья спросили его, зачем он ходил через весь город из-за какой-то мелочи, Пушкин ответил:

— Представь, что это твой последний рубль. Ты потерял его и вдруг — звонок, тебе возвращают. Каково тебе было бы? Я просто вернул человеку веру в людей. Это дороже денег.

— Но ты бы мог оставить их себе, — заметил один из друзей.

— Мог бы, — усмехнулся Пушкин. — Но тогда мне пришлось бы жить с мыслью, что я обокрал бедного чиновника. А это, знаешь, тяжелее, чем быть без денег.

Вексель для издателя

Пушкин был доверчив. Это качество, в общем-то, замечательное для поэта — но для человека, живущего в мире денег и ростовщиков, оно было, мягко говоря, рискованным. Особенно когда дело касалось тех, кого он считал друзьями.

Речь шла об одном издателе, с которым Пушкин был знаком давно. Они встречались в литературных салонах, обсуждали книги, иногда вместе обедали. Пушкин относился к нему как к другу. И когда издатель попросил подписать вексель на небольшую сумму — просто чтобы «подправить дела» — Пушкин согласился без колебаний.

— Это формальность, Александр Сергеевич, — говорил издатель, протягивая бумагу. — Чистая формальность. Я верну вам вексель через месяц. Вы же мне доверяете?

— Конечно, доверяю, — ответил Пушкин, даже не глядя на мелкий шрифт. — Мы же друзья.

Он поставил подпись и забыл. А издатель поблагодарил, улыбнулся и ушёл.

Прошло время. Пушкин писал, гулял, играл в карты. Вексель вылетел у него из головы. Пока однажды к нему не явился сухонький, аккуратный господин с цепким взглядом.

— Александр Сергеевич, — сказал он, — я держатель вашего векселя. Срок погашения истёк. Прошу оплатить.

Пушкин опешил:

— Какого векселя?

— Вот этого, — незнакомец протянул бумагу. — Ваша подпись. Я купил его у вашего друга-издателя. С небольшой скидкой.

Пушкин взял бумагу и узнал свой почерк. Тот самый вексель. Тот самый, который он подписал, доверяя «другу». Оказывается, в бумаге был пункт, по которому вексель можно было перепродать. Издатель не врал — он просто не сказал всей правды.

Поэт был в ярости. Не на ростовщика — тот просто делал своё дело. А на того, кого считал другом.

— Подождите меня, — сказал он ростовщику. — Я напишу письмо. И вы передадите его моему «другу». Он заплатит. Или я напишу о нём стихи.

Он сел за стол и написал:

«Милостивый государь! Я думал, мы друзья. Вы оказались спекулянтотом от литературы. Вы продали мой вексель, как ветошь, первому встречному. Если вы не заплатите — я напишу стихи о вас. И они не будут лестными».

Издатель, получив письмо, испугался. Через несколько дней он прислал деньги и извинения. Пушкин прочитал письмо, хмыкнул и отправил его в корзину.

— Друзья так не поступают, — сказал он жене. — Если друг подписывает тебе вексель — ты хранишь его до конца дней. Ты не продаёшь его первому встречному.

Потом он написал издателю ответ:

«Вексель оплачен. Но отныне наши отношения — исключительно деловые. Подписывать векселя я больше не буду. Даже для друзей».

И он сдержал слово. С тех пор он подписывал только стихи. Их он мог подписывать бесконечно. А векселя — никогда.

Шампанское за чужой счёт

Бывали в жизни Пушкина моменты, когда он оказывался в ресторане с пустым кошельком, но с горячим желанием хорошо поесть и выпить. И, надо сказать, он умел выходить из таких ситуаций с блеском — так, что окружающие не только не жалели о деньгах, но и считали себя счастливыми.

Однажды Пушкин сидел в петербургском ресторане, разглядывал меню и с тоской думал о том, что в кошельке у него только ветер. Но голод, как известно, не тётка, а шампанское само не пьётся. И Пушкин принял решение, которое пришло бы в голову только ему.

— Официант! — громко позвал он. — Мне ужин. И шампанское. И чтобы всё было лучшим!

Официант, привыкший к разным клиентам, кивнул и ушёл. Пушкин откинулся на спинку стула и стал ждать. Он знал: сейчас или случится чудо, или ему придётся объяснять, почему у него нет денег.

Чудо случилось. Соседний столик, за которым сидел солидный господин, услышал имя поэта и оживился.

— Александр Сергеевич! — подошёл он. — Я ваш поклонник. Говорят, вы мастер экспромтов. Не могли бы вы сочинить что-нибудь прямо сейчас?

Пушкин посмотрел на господина, потом на свой пустой кошелёк и улыбнулся:

— Господин, я готов. Но у меня сегодня финансовый кризис. Без ужина экспромт не пишется. Это аксиома.

Господин расхохотался:

— Я оплачу ваш ужин и шампанское. А вы взамен — экспромт. Идёт?

— Идёт, — кивнул Пушкин.

Подали ужин. Пушкин ел так, будто не видел пицци неделю. Выпил бокал, потом второй. Господин смотрел на него с восхищением.

— Ну что, Александр Сергеевич, — спросил он, — готовы?

Пушкин поставил пустой бокал, закрыл глаза на секунду и выдал экспромт. Длинный, искристый, полный остроумия. Господин слушал, разинув рот.

— Гений! — воскликнул он. — Счёт этого столика на меня! И ещё шампанского!

— Я знаю, что я гений, — скромно ответил Пушкин. — Но не всегда умею превращать это в деньги. Сегодня получилось.

Они выпили и разошлись довольные друг другом. С тех пор этот господин стал постоянным поклонником Пушкина. А сам поэт любил вспоминать этот случай и добавлять:

— Если у вас нет денег — не отчаивайтесь. Найдите поклонника, закажите ужин и сочините экспромт. Но предупреждаю: экспромт должен быть хорошим. Иначе вас попросят заплатить.

Продажа «Бориса Годунова»

Когда Пушкин закончил «Бориса Годунова», он знал: это его главная драма. Он писал её годами. Переписывал, правил, спорил с друзьями о каждой строке. И вот, наконец, рукопись была готова. Пушкин взял её в руки и подумал: «Теперь мир увидит её. И, возможно, я наконец-то разбогатею».

Он пошёл к издателю. Тот взял рукопись, полистал, покивал и сказал:

— Хорошая вещь, Александр Сергеевич. Серьёзная. Но публика любит полегче. Драма — это для избранных. Тираж будет небольшим. Пятьсот рублей — и я печатаю.

Пушкин сжал зубы. Пятьсот рублей. Сумма смешная. Но он устал торговаться и подписал договор.

— Берите, — сказал он. — Но помните: вы купили не просто бумагу. Вы купили частицу моей души. Она стоит дороже пятисот.

— Уверен, — улыбнулся издатель. — Но я плачу по рыночной цене.

Пушкин взял деньги и ушёл. Он знал, что его обманывают, но у него не было сил бороться.

Прошёл год. «Борис Годунов» вышел, прогремел. А потом Пушкин узнал, что его издатель перепродал права на книгу другому издателю. За пять тысяч. Десятикратная прибыль за год. И всё на одном имени — на имени Пушкина.

Пушкин сначала разозлился. Потом рассмеялся.

— Ну и дела! — сказал он жене. — Я — гений, я написал бессмертную драму. А он — коммерсант. Он заработал на мне в десять раз больше, чем я сам. И я же ему ещё и спасибо должен сказать, что он вообще её издал!

— Ты не будешь с ним судиться? — спросила Наталья Николаевна.

— Зачем? — улыбнулся Пушкин. — Он продал мою рукопись? Ну и что. Пусть продаёт. Я напишу новую. Будет ещё лучше. А он, если захочет, может снова перепродать. Только на этот раз я сам попрошу у него долю. Или просто напишу стихи о том, как я стал жертвой книжного бизнеса.

Потом он всё же послал издателю короткое письмо:

«Поздравляю с удачной сделкой. Вы умеете делать деньги из воздуха. Но помните: воздух, который вы продаёте, — это моё дыхание. Берегите его. Он вам ещё пригодится».

Издатель, прочитав письмо, только усмехнулся и положил его в архив. А Пушкин через несколько лет действительно написал нечто ещё более гениальное. И на этот раз он уже не продавал рукопись за пятьсот.

Но эта история осталась с ним навсегда. И когда кто-то спрашивал, как он относится к коммерсантам от литературы, он отвечал:

— Они нужны, как сапожники. Без них книга не выйдет. Но если бы я умел печь хлеб так же хорошо, как писать стихи, — я бы продавал его дороже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.